

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 641-651.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.641
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects

Roman O. Raynkhardt ^{a, *}

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of the protocol and communication aspects of the diplomatic corps of Saint Petersburg contacts with the famous Russian man of letters and back then ex-member of the foreign service Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830. Using the materials of Russian, French, Spanish and Neapolitan foreign policy archives alongside other documental sources, as well as specialized literature, with recourse to the prosopographic method, the author analyses the impact of high ranking diplomats' interaction with Pushkin on their professional activities. The research outlines that many diplomats, especially ambassadors, tended to regard Pushkin not just as a prominent culture figure, but also and rather as a valuable source of information regarding Russian affairs, both domestic and foreign. Therefore, in many cases they might have been the initiators of such contacts conducive to a mutually beneficial exchange of insights. While the heads of diplomatic missions sometimes referred in dispatches to their Russian counterpart, the latter not only took part in the high society protocol events they invited him to, but also managed to interview them on some issues important to him. The analysis looks into the details of this two-way information exchange, while comparing and collating the respective career paths of diplomatic corps members. It reveals that most of them shared certain political stances and ethical values, most importantly moderate sympathies for the Russian State and Emperor, which often diverged from the foreign policy course of the governments they represented. Such a group-uniting factor, in its turn, may be regarded as to a considerable extent determined by their previous diplomatic experience, marriages and personal background. The author concludes that the combination of these features shaped a unique atmosphere within a large fraction of the Saint Petersburg international diplomatic community, Pushkin can be considered in a large sense a part of, on the verge of the 1830s.

Keywords: history of Russian diplomacy, diplomatic protocol, diplomatic corps, Russia's diplomatic relations with European countries, communication of diplomats.

1. Введение

Пребывание А.С. Пушкина (далее – Пушкин) после возвращения с Кавказа в Санкт-Петербурге с 10 ноября 1829 года по 10 марта 1830 года, как и большинство других этапов его биографии, неоднократно и подробно исследовалось пушкинистами (ЛЖТ, 1999). Указанный период характеризуется интенсивной светской жизнью литератора, включавшей регулярное общение с представителями дипломатического корпуса столицы Российской империи (Высочков, 2012: 246). Тем не менее в пушкиноведческих исследованиях данные связи по понятным причинам принято анализировать из перспективы самого Пушкина с точки зрения того, как контакты с тем или иным лицом влияли или могли повлиять на его жизнь и творчество. Между тем то, каким образом подобная коммуникация отражалась на профессиональной деятельности представителей собственно

* Corresponding author

E-mail addresses: don.reinhardt@mail.ru (R.O. Raynkhardt)

дипломатического корпуса, до сих пор не получало системного рассмотрения именно в исторических, а не в литературоведческих исследованиях.

В связи с этим важный исследовательский вопрос заключается в том, чем Пушкин мог быть интересен аккредитованным в Санкт-Петербурге главам дипломатических миссий рассматриваемого периода не только в качестве видного деятеля культуры, но и, возможно, как источник информации по интересующим их вопросам. Не состоявший на тот момент на государственной службе и не выделявшийся в отношении своих финансовых ресурсов, связей в правительственных и деловых кругах, поэт был, однако, персоной грата на дипломатических приемах и иных светских мероприятиях. Последнее позволяет выдвинуть гипотезу о том, что его общение с дипломатами руководящего состава иностранных посольств было по меньшей мере обоюдодоплезным. Научная новизна исследования заключается в анализе протокольных и коммуникационных аспектов такого взаимодействия.

При этом следует обратить внимание на то, что далеко не все послы, находившиеся в тот период в столице, активно контактировали с Пушкиным, взять, например, представителя Вюртемберга К. Гогенлоэ, который лишь позднее стал уделять внимание литератору в своих депешах ([Скрынников, 1999: 100](#)). Исходя из этого, при исследовании той части дипломатического корпуса, для которой Пушкин был желанным гостем и собеседником, имеет смысл учитывать фактор некоторой социально-групповой идентичности. Описание последней подразумевает выявление сходства позиций, общих ценностей или иных объединяющих черт. Сочетание данных обстоятельств определило источниковую базу и методологию настоящего исследования.

2. Материалы и методы

Главным элементом источниковой базы работы служат архивные материалы, относящиеся к исследуемым персоналиям, среди которых можно выделить две группы. Первую – составляют документы личного происхождения, касающиеся взаимодействия Пушкина с профессиональным дипломатическим сообществом: специальный фонд российского внешнеполитического ведомства (АВПРИ. Ф. Пушкин), Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (Дела III Отд., 1906), а также материалы, собранные, систематизированные и опубликованные В.Е. Якушкиным ([Якушкин, 1884](#)), Г.А. Гастфрейндом ([Гастфрейнд, 1900](#)), Н.А. Котляревским ([ВПД, 1914](#)), М.А. Цявловским, Л.Б. Модзалевским и Т.Г. Зенгер ([Рукою Пушкина..., 1935](#)).

Вторая группа – переписка (рукописи депешей и докладов) глав и сотрудников иностранных дипломатических миссий в Санкт-Петербурге с их центральными органами внешних сношений: фонды французского МИД ([АМАЕ](#)), Национального исторического архива Мадрида ([AHN. Estado](#)), Государственного архива Неаполя ([ASN. Archivio Borbone](#)), Британской библиотеки ([Add. MSS 41511-63](#)). Они относятся соответственно к послу Франции К. де Мортемару и его секретарю Т. де Лагрене, послам Королевства Обеих Сицилий Дж.-К. Лудольфу, Испании Х.М. Паэсу де ла Кадена и Великобритании У. Хейтсбери.

Дополнительно к этому для уточнения некоторых биографических сведений исследуемых дипломатов были использованы справочные издания: «Британский национальный биографический словарь» ([DNB, 1891](#)), «Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Том третий (1829–1832)» ([ЛЖТ, 1999](#)), «Пушкин и его окружение» ([Черейский, 1988](#)).

Также для анализа протокольной стороны контактов, отдельных эпизодов и казусов были привлечены труды, относящиеся к корпусу специализированной литературы по истории дипломатического протокола ([Лядов, 2004](#); [Борунков, 2019](#)).

В качестве основного метода исследования был применен просопографический анализ ([Stone, 1971](#)), то есть комплексное сопоставление биографий исторических лиц, объединенных отношением к исследуемой эпохе (в данном случае – рубеж 1820–1830-х годов) и социальной группе (профессиональное сообщество дипломатов). Объектами такого анализа были выбраны биографии членов дипломатического корпуса в узком (главы миссий) и широком (те же, весь дипломатический персонал, а также проживающие с ними члены семей) значениях данного термина ([Борунков, 2019: 21](#)), а именно: главы австрийского, французского, британского и неаполитанского посольств с супругами, посол Испании, второй секретарь французского посольства (в общей сложности 10 человек). Путем анализа и последующего синтеза были выявлены черты, объединяющие данную группу, все участники которой, в отличие от многих других дипломатических агентов, поддерживали тесные контакты с Пушкиным в рассматриваемый период.

3. Обсуждение

Отдельные эпизоды, связанные с общением членов дипломатического корпуса Санкт-Петербурга, и особенно австрийского посла Ш.-Л. Фикельмона, с Пушкиным, нашли фрагментарное освещение в трудах отечественных историков Р.Г. Скрынникова ([Скрынников, 1999](#)) и Л.В. Выскочкова ([Выскочков, 2012](#)). Помимо этого, такие контакты, разумеется, неоднократно попадали в поле зрения пушкиноведов, в частности Л.А. Черейского ([Черейский, 1988](#)), Н.А. Тарховой ([ЛЖТ, 1999](#)), равно как и многих других, исчерпывающее перечисление которых едва ли технически осуществимо. При этом в случае первых отражение проблематики не находилось в

фокусе их исследований, но скорее иллюстрировало и в некотором смысле украшало описание жизни Императорского Двора времен Николая I. В случае вторых, как отмечалось выше, в центре внимания естественным образом находился сам Пушкин, из перспективы которого, причем без обобщения по критерию принадлежности к дипломатической среде и профессиональному сообществу, изучались те или иные его светские связи. То, что, с одной стороны, обратное направление таких связей до сих пор не получало разработки, и с другой – даже в своем прямом измерении они рассматривались в рамках более широких тем, определяет научную новизну настоящей статьи.

Карьерные пути и работа в России практически всех перечисленных дипломатов в той или иной степени отражены в исторических сочинениях, посвященных николаевской эпохе, как классических, например монографии С.С. Татищева (Татищев, 1889), так и современных (Высочков, 2012; Кудрявцева, 2018). В значительной степени разработанными Т.Н. Гончаровой предстают биографии французских дипломатов К. де Мортемара (Гончарова, 2008) и Т. де Лагрене (Гончарова, 2014, 2015). В последние годы также возрос интерес историков к личности испанского посла Х.М. Паэса де ла Кадена (Белоусов, 2020; Райнхардт, 2020b), прежде едва ли находимого на страницах специализированных работ.

Несколько меньше сведений о неаполитанском после Дж.-К. Лудольфе и его английском коллеге У. Хейтсбери. Первый хорошо известен в зарубежной историографии, например по монографии Дж. Галлавреси (Gallavresi, 1905), в то время как среди русскоязычных работ фигурирует лишь в двух трудах генеалогического характера (Скаммакка Дель Мурго, 2013; Зонина, Шебалин, 2014). Второй и вовсе в основном лишь упоминается в списках дипкорпуса или в контексте российско-британских отношений (DNB, 1891: 106).

Таким образом, наряду с решением главного исследовательского вопроса, сформулированного выше, одной из задач работы видится вклад в описание мало освещенных в российской специализированной исторической литературе страниц биографий указанных дипломатов в части их работы в николаевской России и в контексте связанных с данной работой деловых контактов.

4. Результаты

Одним из немногочисленных и практически не исследованных архивных материалов, дающих системное представление о контактах дипломатического корпуса Санкт-Петербурга с Пушкиным, предстает список лиц, которым литератор намеревался направить визитные карточки к новому 1830-му году. Впервые он был опубликован в сборнике В.Е. Якушкина в 1884 году без каких-либо комментариев (Якушкин, 1884: 351). Первый анализ названного источника личного происхождения среди прочих аналогичных бумаг находим в монографии «Рукою Пушкина» 1935 года (Рукою Пушкина, 1935: 322-327). По предположению авторов сочинения, список был составлен между 24 декабря 1829 года и 7 января 1830 года и содержит перечень адресатов визитных карточек поэта общим числом в 42 лица (включая трех вычеркнутых). Примечательно, что начинается он с австрийского посланника и его супруги, после которых фигурируют еще 7 представителей дипломатического корпуса, о которых будет сказано ниже. Однако прежде чем перейти к рассмотрению персоналий, ограничиваясь при этом дипломатами и их супругами, необходимо сказать несколько слов о самом списке с позиций дипломатического протокола и светского церемониала.

Во-первых, предположение М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского и Т.Г. Зенгер о том, что речь может идти о своеобразном списке рассылки визитных карточек, представляется вполне валидным. Такая практика действительно существовала и была особенно широко распространенной в дипломатической среде (Лядов, 2004: 103). Более того, местами она сохранялась вплоть до начала XXI века и практически полностью сошла на нет лишь с переходом к цифровым средствам коммуникации. Другое дело, что единственная дошедшая до нас (судя по всему) и воспроизведенная во «Временнике Пушкинского дома» 1913 года визитная карточка, на которую ссылаются комментаторы (Рукою Пушкина, 1935: 327), едва ли могла быть в числе тех, которые разослал или собирался разослать ее владелец.

Прежде всего, поскольку в случае новогодней рассылки на ней положено было сделать пометку *p.f.N.A.* (фр. *pour féliciter Nouvel An* = поздравление с Новым годом). Помимо этого, визитные карточки с указанием фамилии владельца без должности или звания направлялись исключительно дамам (Борунков, 2019: 103). В списке же фигурируют лица, как было принято выражаться, «обоего пола» с преобладанием мужчин. Не состоявший в тот момент на государственной службе Пушкин тем не менее сохранял за собой чин коллежского секретаря, полученный при выпуске из лицея. Повода гордиться им, равно как и продвижением в титулярные советники в 1831 году, а также присвоением звания камер-юнкера в 1834 году (чем, собственно, и ограничилась его карьера чиновника), у поэта не было. Однако данную иерархическую характеристику следовало непременно указывать в таких случаях, особенно при контактах с иностранными дипломатами.

Наконец, если Пушкин намеревался передать карточки лично, но без нанесения визита (учитывая количество адресатов, наиболее вероятный вариант), этикет предполагал их загибание с правой стороны по всей ширине карточки, либо в более редких случаях – в верхнем правом или левом углу (Борунков, 2019: 104). На карточке из «Временника» изгибов не видно (ВПД, 1914: V).

Впрочем, еще одной возможностью была доставка курьером (например, извозчиком), в случае которой загибание, наоборот, выступало бы нарушением этикета. Против этой версии свидетельствуют сравнительно узкая распространенность «курьерской доставки» в соответствующей среде рассматриваемого периода наряду с присутствием в списке близких друзей и знакомых литератора (А.А. Дельвиг – пусть и вычеркнутый, Е.М. Хитрово, Ф.Ф. Вигель и другие), которым он вряд ли бы стал передавать карточки через посредника.

Таким образом, предназначение списка видится соответствующим предполагаемой протокольной цели, чего нельзя сказать о самой приведенной карточке. Перечисленные протокольные нюансы с высокой вероятностью были известны ведущему активную светскую жизнь Пушкину с лицейских времен и первого этапа службы в Коллегии иностранных дел (1817–1824 годы). Установление того, были ли изготовлены и в конечном счете разосланы иные карточки, на основании имеющихся архивных материалов (Гастфрейнд, 1900; АВПРИ. Ф. Пушкин) не представляется возможным.

Также вызывает вопросы очередность при составлении списка. С точки зрения канонов дипломатического протокола руководящим принципом должно было бы выступать дипломатическое старшинство, напрямую зависящее в данном случае от вступления послов в должность (Лядов, 2004: 17). Уже упомянутая первая позиция главы австрийского диппредставительства Ш.-Л. Фикельмона, который был назначен позднее своих французского и британского коллег, опровергает эту гипотезу.

Вторая гипотеза – географическая – сводится, условно говоря, к прокладке оптимального маршрута для обхода или объезда получателей. В ее пользу говорит наличие в первой колонке перечня адресов, начиная с Дворцовой набережной и заканчивая Императорской публичной библиотекой на углу Невского проспекта и Садовой улицы, и лишь во второй – находившихся там лиц. Здесь необходимо отметить, что начало и конец маршрута были практически равноудаленными, при этом диаметрально противоположными друг другу относительно адреса, по которому на тот момент проживал сам Пушкин, – гостиницы Демута на Набережной Мойки, 40. Иными словами, начать турне можно было и с Библиотеки, принимая во внимание большее число находившихся там знакомых. Определенным противоречием также видится возвращение на Английскую набережную по месту пребывания посла Испании: логичнее было бы передать ему карточки до или сразу после «соседей» (посла Великобритании, И.С. Лавалья и И.Г. Синявина).

Последнее, а также тот факт, что список явно носил черновой характер и, скорее всего, не предназначался для посторонних, подводит к третьей гипотезе о том, что автор рукописи записывал контакты по мере их вспоминания. Данное предположение не означает, что указанные выше факторы, а именно: протокольное старшинство, положение в свете и адреса – не подлежат учету. Тем не менее их едва ли можно охарактеризовать как полностью объясняющие логику построения исследуемого списка. С тем чтобы проанализировать то, почему перечень принял именно такой вид в части присутствия в нем иностранных дипломатов, следует обратиться к рассмотрению соответствующих персон.

Австрийское посольство – супруги Фикельмон

Граф Ш.-Л. Фикельмон был направлен в Санкт-Петербург в начале 1829 года в качестве доверенного лица министра иностранных дел Австрийской империи К. фон Меттерниха. Задачей спецпредставителя (в современных дипломатических терминах) было зондирование перспектив сближения России и Австрии в качестве противовеса союзам первой с Францией и Великобританией. Бывший военный, уже успевший проявить себя и на дипломатическом поприще в качестве австрийского посланника во Флоренции, снискал расположение Николая I и в июле того же года был аккредитован как глава дипломатического представительства при российском Императорском Дворе (Высочков, 2012: 242). Немаловажную роль в его «восточной миссии» играл брак Фикельмона с Д.Ф. Тизенгаузен (внучка фельдмаршала М.И. Кутузова, дочь Е.М. Хитрово), заключенный в 1821 году в Тоскане.

Последняя широко известна в пушкиноведении как хозяйка часто посещаемого литератором и его друзьями салона по прозвищу Долли. Характер ее отношений с Пушкиным продолжает оставаться объектом исследований литературоведов, что, однако, имеет лишь косвенное отношение к настоящему историческому исследованию. Соответственно, ограничимся констатацией близкого знакомства, оставляя вопрос о его исключительно дружеской или романтической природе как предмет изысканий пушкинистов за рамками текущего анализа (Черейский, 1988: 464). Так или иначе данное знакомство состоялось в ноябре 1829 года, сразу по возвращении Пушкина с Кавказа, во многом благодаря тому, что он уже был хорошо знаком с матерью Долли. Таким образом, на первый взгляд получается, что по рекомендации Е.М. Хитрово Пушкин стал вхож в дом ее дочери, где и познакомился с супругом последней – австрийским послом.

Вместе с тем есть мнение, что знакомство Пушкина с Фикельмоном могло состояться и раньше, а именно еще в январе 1829 года, как только тот прибыл в российскую столицу, причем, возможно, по инициативе иностранца (ЛЖТ, 1999: 538). В любом случае без его согласия (а, следовательно, и приглашения) в доме главы дипмиссии литератор оказаться не мог. Документальных сведений о таком приглашении не сохранилось, однако об интересе Фикельмона к Пушкину свидетельствует по меньшей мере тот факт, что в донесении Меттерниху от 7 января 1830 года он приводит запись

беседы с поэтом о его кавказском вояже (МП, 1996: 294-295). Выходит, что австрийский посол воспринимал Пушкина не только как приятного в общении человека и талантливого деятеля культуры, но и как ценный источник информации о турецкой кампании, этнографии Кавказа, а также перспективах русской военной экспансии в данном регионе. Наличие подобного интереса со стороны иностранного агента едва ли могло игнорироваться III Отделением, под наблюдением которого находился литератор. Впрочем, маловероятно, что данные, поступавшие от не имевшего тогда официального доступа к государственной тайне Пушкина, представляли серьезный интерес для контрразведки.

Однако показательно, что даже после повторного поступления Пушкина на дипломатическую службу в 1832 году неофициальный канал его связи с Фикельмоном продолжал работать. Так, вместе с супругой Пушкин регулярно посещал дом австрийской посольской четы, вел продолжительные и субстантивные разговоры с послом (подтверждается многочисленными дневниковыми записями обеих сторон, а также третьих лиц), фигурировал в его донесениях канцлеру (ЛЖТ, 1999: 520, 538). Цена этого контакта, Фикельмон в 1835 году направил Пушкину запрещенные сочинения Гейне. Профессиональный интерес дипломата к личности поэта сохранялся какое-то время и после гибели последнего, о чем свидетельствуют присутствие Фикельмона на отпевании Пушкина, подробный отчет в центр об обстоятельствах его дуэли и гибели, частные беседы о покойном с его знакомыми (Черейский, 1988: 465).

Из этого можно сделать вывод об обоюдном интересе посла и поэта, равно как и предположение о том, что инициатором общения вполне мог выступать дипломат. Оставив посольский пост в 1840 году, Фикельмон впоследствии достиг вершины дипломатической карьеры, пусть и ненадолго заняв должность министра иностранных дел Австрийской империи весной 1848 года. На рассматриваемом же временном отрезке (середина ноября 1829 года – начало марта 1830 года) Пушкин по меньшей мере пять раз был гостем на протокольных приемах от имени австрийского посла и его супруги и неоднократно участвовал вместе с ними в иных мероприятиях дипломатического корпуса (ЛЖТ, 1999: 606). Скорее всего, именно такой плотностью общения объясняется его первая позиция в списке рассылки визитных карточек.

Французское посольство – посол Мортемар и секретарь Лагрене

Следующим в списке значится французский посланник К. де Мортемар, при этом, исходя из количества визитных карточек, без супруги. Учитывая то, что Пушкин был знаком с последней (Черейский, 1988: 270), объяснить это можно, скорее всего, ее временным отсутствием в Санкт-Петербурге. С самим же главою димиссии Парижа, как и в случае с Фикельмоном, литератор мог познакомиться либо в ноябре 1829 года, либо в конце февраля – начале марта того же года (Мортемар прибыл в российскую столицу во второй половине февраля, Пушкин покинул ее 10 марта) (Рукою Пушкина..., 1935: 324).

Биография этого французского посла достаточно подробно описана в исторической литературе (Татищев, 1889; Гончарова, 2008). Он был назначен полномочным представителем в России еще весной 1828 года, однако направился из Парижа не в Санкт-Петербург, а в театр военных действий русско-турецкой войны, где сопровождал в поездке Николая I по его приглашению. По окончании первой части данной кампании вернулся на родину, после чего наконец прибыл в российскую столицу. Как и Фикельмон, он пользовался расположением русского императора, при этом сам с уважением отзывался о нем (Татищев, 1889: 160). В мае 1830 года в преддверии Июльской революции Мортемар временно вернулся в Париж. Примечательно, что во время одного из «трех славных дней» он даже успел побыть главою французского правительства. В Санкт-Петербург Мортемар вернулся в феврале 1831 года уже в качестве представителя Луи-Филиппа I. Однако в середине того же года он завершил свою миссию, как принято считать, в связи с недовольством Николая I ходатайством Франции в пользу восставшей Польши (Татищев, 1889: 170).

8 февраля 1831 года Пушкин в письме Е.М. Хитрово (теще Фикельмона) из Москвы в Санкт-Петербург написал, что с возвращением Мортемара «одним приятным и историческим лицом в ее обществе стало больше» (Пушкин, 1962: 17-18). Проявляя живой интерес к недавним революционным событиям в Париже, литератор, вероятно, очень хотел пообщаться с высокопоставленным государственным деятелем, побывавшем в их эпицентре. Скорее всего, исходя из последующих перемещений обоих, встреча не состоялась. По крайней мере, документальных подтверждений того, что Пушкин и Мортемар в дальнейшем пересекались, в архивных источниках обнаружить не удалось (АВПРИ. Ф. Пушкин; Гастфрейнд, 1900).

Однако историческим лицом в глазах Пушкина Мортемар был не только как участник июльских событий 1830 года, но еще и ранее как современник, в прошлом даже ординарец Наполеона (Гончарова, 2008). Думается, что главным образом именно этим посол был интересен поэту. В свою очередь Мортемара Пушкин интересовал не столько в творческом отношении, сколько в качестве лица, с которым напрямую общался глава государства пребывания.

Подтверждением этому служит любопытный протокольный эпизод. 24 января 1830 года французский посол давал бал, на котором в числе высочайших и высоких гостей присутствовали Николай I и Пушкин. В отличие от других приглашенных, включая представителей императорской

семьи и дикорпуса, Пушкин пришел на бал во фраке, а не в мундире, как того требовал дресс-код. Данное нарушение протокола и этикета вызвало резкое недовольство императора. Он сообщил об этом А.Х. Бенкендорфу, что тот в свою очередь передал Пушкину в письме от 28 января (*Дела III Отд., 1906: 101*). Думается, что, оказавшись кто-либо иной неподобающе одетым «среди шумного бала», глава государства мог бы либо вовсе не обратить на это внимание, либо не отреагировать. В случае же с «главным поэтом» подобная ошибка стала предметом критики со стороны первого лица, и это не могло остаться незамеченным дипломатами, особенно хозяином мероприятия.

Едва ли имеет смысл спекулировать на тему того, намеренно – с целью своего рода провокации или эпатажа или же просто по рассеянности и невнимательности Пушкин оказался на балу в таком виде. Не вдаваясь также в рассуждения о природе их отношений, следует исходить из того, что Николай I был равнодушен к Пушкину, в том числе и на бытовом (а не только идейном) уровне, о чем, несомненно, было хорошо известно Мортемару. Исследование природы этой связи представляло для дипломата интерес, в том числе и профессионального свойства.

Третьим в списке стоит Т. де Лагрене – на тот момент второй секретарь возглавляемого Мортемаром дипломатического учреждения. Как и его руководитель, Лагрене должен был получить от Пушкина лишь одну визитную карточку, однако в отличие от посла он тогда был холост. Лишь в 1834 году старший дипломат связал себя брачными узами с фрейлиной Двора В.И. Дубенской – хорошей знакомой Пушкина и его круга, носившей в свете прозвище Птичка. Не вдаваясь в подробности, допустимо провести некоторые параллели между ней и Д.Ф. Фикельмон. Впрочем, в то время как брак австрийского дипломата с Долли в известной степени сыграл на руку его назначению, союз Птички с французом вызвал отрицательную реакцию Николая I. Вскоре после свадьбы супружеская чета покинула Санкт-Петербург (*Райнхардт, 2020а: 114*).

Пушкин был знаком с Лагрене с 1828 года. Тогда одна из их встреч на балу чуть не привела к дуэли (*Райнхардт, 2020а: 113*). Однако после примирения сторон они стали поддерживать приятельские отношения, что подтверждается присутствием второго секретаря (в 1832 году получил ранг первого) в списке. Дипломатическая карьера и достижения Лагрене уже находили отражение в специализированной литературе (*Гончарова, 2014; Гончарова, 2015*). Однако следует обратить внимание на то, что, как и в предыдущих двух случаях, Пушкин мог быть интересен Лагрене в профессиональном плане не менее, чем Лагрене Пушкину.

Так, еще в 1825 году Лагрене было поручено подготовить доклад о цензуре в Российской империи (*АМАЕ. Mémoires et documents. Vol. 28. P. 89-105*). Дипломат успешно справился с заданием, но уже во второй своей российской командировке ему представился уникальный шанс проверить прежние заключения в беседах с, пожалуй, одной из самых известных жертв царской цензуры. Думается, что такой шанс он бы упускать не стал, особенно с учетом того, что в представленном докладе 1825 года фигурировал цензор А.С. Бируков, непосредственно занимавшийся «Евгением Онегиным» и разрешивший публикацию его первой главы (*АМАЕ. Mémoires et documents. Vol. 28. P. 98*). Весьма вероятно, что общение с автором цензурируемых Бируковым произведений было ценным для Лагрене с точки зрения понимания характера и подоплеку судебного разбирательства, по итогам которого сотрудник цензурного комитета в 1828 году был полностью оправдан (*Гончарова, 2015: 219*).

Далее, уже в 1833 году, Лагрене на правах поверенного в делах французского посольства подготовил рапорт о природе и причинах финансовых затруднений российского дворянства и Императорского кабинета (*АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Théodore de Lagrené № 2374*). Даже при первичном ознакомлении с документом становится очевидно, что, описывая типичного представителя дворянской среды с его нравами, склонностью к лудомании, зачастую не совсем рациональным ведением хозяйственных дел, дипломат мог ориентироваться в том числе на Пушкина, а также героев его произведений. Разумеется, в основу данного аналитического документа, затрагивающего и более структурные вопросы экономико-дипломатического плана, легли прежде всего личные наблюдения автора (*Гончарова, 2014*). Вместе с тем весьма вероятно, что общение с Пушкиным еще больше поспособствовало погружению аналитика в суть проблемы.

Английское и неаполитанское посольства – супруги Хейтсбери и Лудольф

Ниже после вычеркнутого Н.А. Оленина и супругов Лаваль в списке значится английский посланник, коим на тот момент был У. Хейтсбери (в некоторых источниках можно встретить орфографию Хейтесбери или даже Гейтесбури) (*Черейский, 1988: 474*). Он был карьерным дипломатом, начавшим свой трудовой путь в британском посольстве в Неаполе (1801–1807 годы). После ряда командировок в другие точки Хейтсбери вернулся в партенопейскую столицу в 1814 году, возглавив там британскую дипломатическую миссию. За этим последовали назначения посланником в Испанию и Португалию, а в 1828 году – в Россию. Подобно Мортемару, Хейтсбери изначально направился не в Санкт-Петербург, а в театр военных действий русско-турецкой войны.

Более того, как и в случае с французским коллегой, английский посол пользовался расположением Николая I, которому он, в свою очередь, глубоко симпатизировал. Данная взаимность симпатий приводила к напряженным отношениям между Хейтсбери и премьер-министром герцогом Веллингтоном (*DNB, 1891: 106*). Логично предположить, что контакты с Пушкиным как особой,

приближенной к императору, могли быть интересны дипломату. Тому же в английском после могла импонировать умеренно русофильская позиция. Данных об обстоятельствах их знакомства в доступных архивных фондах обнаружить не удалось, равно как и упоминаний о Пушкине в дневниках и личной корреспонденции Хейтсбери ([Add. MSS 41511-63](#)). Возможно, дополнительные сведения по данному аспекту позволит дать обращение к материалам секретного архива Форин-офис.

Так или иначе зимой 1829–1830 года, наряду с другими упомянутыми выше лицами, Хейтсбери вращался в одних кругах с Пушкиным. В начале января 1830 года, как следует из дневниковой записи Е.М. Хитрово, их компания в рамках развлекательной прогулки в масках среди других посетила дом супруги английского посла ([ЛЖТ, 1999: 136](#)). Знакомство Пушкина с ней подтверждается направлением двух визитных карточек. Судя по всему, его фигура была тоже интересна леди Хейтсбери, которая впоследствии переводила произведения поэта, в частности «Талисман», на английский язык ([Черейский, 1988: 475](#)). По возвращении из России бывший посол фактически завершил дипломатическую карьеру, занимая позднее ряд значимых постов внутри британского королевства ([DNB, 1891: 106](#)).

За следующими далее по списку супругами Синявинными и перенесенными ниже Гурьевыми значатся неаполитанский посланник и его жена – чета графов Лудольф. Дж.-К. Лудольф, как и Лагрене, имел многолетний опыт работы в Российской империи. Впервые он приехал в Санкт-Петербург в 1805 году, проработав в должности атташе неаполитанского посольства до 1806 года. В 1824 году вернулся в российскую столицу уже в качестве главы дипмиссии, занимая этот пост до 1832 года ([Gallavresi, 1905](#)).

Как и в случае с Хейтсбери, имеющаяся информация не позволяет судить о характере коммуникации Лудольфа с Пушкиным на внешне-, равно как и внутривосточные темы ([ASN. Archivio Borbone. nn. 1140, 1392-93, 1468-69](#)). Фактором сближения, по всей видимости, выступала принадлежность к одному светскому кругу, внутри которого консолидирующую роль во многом играли Е.М. Хитрово и Д.Ф. Фикельмон, а также страсть к искусству, и в частности к итальянской опере. Как видим, большинство членов группы были в той или иной степени связаны с итальянской культурой в силу происхождения, либо же предшествующего проживания на землях Аппенинского полуострова. Следует также отметить, что через свою бабушку Е. фон Липхарт будущая жена Пушкина Н.Н. Гончарова приходилась дальней родственницей графам Лудольф ([Скаммакка Дель Мурго, 2013: 6](#)). Впрочем, данные генеалогические подробности тогда вряд ли могли быть известны литератору, знакомому со своей невестой около года.

Испанское посольство – посол Паэс де ла Кадена

Замыкает «дипломатическую группу» списка находящийся на 16-й позиции «гишпанский посланник» Х.М. Паэс де ла Кадена. Как и граф Лудольф, он был аккредитован в качестве посла намного раньше своих коллег, а именно, как было доказано нами ранее ([Райнхардт, 2020b](#)), не позднее 1824 года, т.е. еще при Александре I. Его след в истории дипломатии также уже нашел достаточно подробное описание ([Белоусов, 2020](#)), но в настоящем контексте интерес представляют два нюанса.

Первое – Пушкину Паэс де ла Кадена был интересен в значительной мере как современник Наполеона и человек, имевший опыт личного общения с первым французским императором. Это подтверждается записью беседы с ним «О 18 брюмера» от 10 августа 1832 года ([Зенгер, 1934](#)). Зимой 1829–1830 года, на более раннем этапе знакомства, испанец, возможно, еще не был готов так доверительно рассказать о событиях, очевидцем которых ему довелось побывать в конце 1799 года. Однако выстраивание отношений – длительный процесс с прицелом на обмен ценной информацией в будущем, из чего, вероятно, исходили обе стороны.

Второе – заинтересованность Паэса де ла Кадена в общении с Пушкиным могла диктоваться в том числе близким знакомством последнего с декабристами. Как уже отмечалось ([Белоусов, 2020; Райнхардт, 2020b](#)), депеши испанского посла о восстании 1825 года (AHN Estado. 5919. Despachos no. 134–171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09–1826.01.22)) представляют собой важный источник сведений об указанном событии. Логично предположить, что Паэсу де ла Кадена было любопытно узнать мнение литератора об истоках и сути процесса, получить личностные оценки его участников. Записей таких бесед в документах, которыми посол обменивался с центральным аппаратом испанского Министерства иностранных дел, нет, однако среди контактов посла Пушкин упоминается в них как минимум дважды (AHN Estado. 5923. Despachos de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro en Rusia, a Manuel González Salmón, Primer Secretario de Estado. 1830-01–1831-07). Исходя из этого, логично предположить, что им было о чем побеседовать, получая от этого обоюдную пользу.

5. Заключение

По итогам проведенного анализа показано, что в конце 1829 – начале 1830 гг. часть дипломатического корпуса Санкт-Петербурга интенсивно общалась с А.С. Пушкиным. К факторам, объединяющим данных высокопоставленных дипломатов, следует отнести умеренно русофильские позиции на личном уровне, нередко идущие вразрез с официальным внешнеполитическим курсом аккредитуемых их государств в отношении России (наиболее яркий пример – английский посол

Хейтсбери), и личные симпатии к Николаю I (по большей части взаимные), тесное знакомство с Е.М. Хитрово и ее дочерью Д.Ф. Фикельмон, супругой австрийского посла, опыт работы и проживания в итальянских городах (Неаполь, Флоренция), высокий профессионализм и нередко многолетний опыт работы на российском направлении (Лагрене, Лудольф, Паэс де ла Кадена). При том, что для всех, за исключением Лагрене и Лудольфа, миссия в Санкт-Петербурге была первой, они отнюдь не были новичками в дипломатии, но людьми, имевшими за плечами богатую карьеру в сфере международных отношений. Двое из них, помимо этого, обладали непосредственным опытом общения с Наполеоном (Мортемар, Паэс де ла Кадена), чем, вне сомнения, были особенно интересны литератору.

Тем не менее было выявлено, что А.С. Пушкин также представлял большой интерес для перечисленных дипломатов руководящего звена не только как видный культурный деятель, но и как ценный источник информации по ряду интересовавших их внешне- и внутривосточных вопросов, а именно: российско-турецких отношений и политики России на Кавказе, восстания декабристов 1825 года, цензуры, финансовых дел и нравов русского дворянства. Более того, дипломатам было также весьма любопытно поведение персоны, находящейся под пристальным личным вниманием императорской фамилии. Исходя из этого, уместно предположить, что инициатором контактов, возможно, был не столько Пушкин, сколько сами представители дипкорпуса.

В свою очередь поэт, ведущий активную светскую жизнь, которой ему не хватало во время предшествующих ссылок и кавказского вояжа, судя по всему, охотно проводил время в указанном кругу, разделявшему некоторые его идейные и многие эстетические ценности. Знакомый в силу трудового опыта и образования с нравами дипломатов, он легко сходил с ними. Впрочем, это не мешало ему допускать протокольные ошибки, как минимум одна из которых стала поводом для порицания со стороны Николая I.

В заключение остается добавить, что полученные результаты, с одной стороны, дополняют некоторые черты биографий рассмотренных исторических лиц, позволяют говорить о наличии у них схожей корпоративной культуры и иных оснований для просопографического объединения. Особенно это касается послов, чьи личности до сих пор не находили подробного описания в российской специализированной исторической литературе (Хейтсбери, Лудольф, Паэс де ла Кадена). С другой стороны, характер описанного общения их с Пушкиным позволяет судить о нем не только с позиций литературоведения, но и в историческом ключе как о лице, непосредственно вовлеченном в дипломатические процессы и игравшем определенную роль в российской внешней политике соответствующего периода.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Белоусов, 2020** – Белоусов М.С. Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междоусобия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357-374.
- Борунков, 2019** – Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России. М.: Международные отношения, 2019. 264 с.
- ВПД, 1914** – Временник Пушкинского дома 1913. СПб.: Тип. А. Дресслера, 1914. 77 с.
- Высочков, 2012** – Высочков Л.В. Будни и праздники Императорского Двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.
- Гастфрейнд, 1900** – Гастфрейнд Н.А. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. 82 с.
- Гончарова, 2008** – Гончарова Т.Н. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2008. № 4–1. С. 130-136.
- Гончарова, 2014** – Гончарова Т.Н. Французский поверенный в делах Теодор де Лагрене о причинах финансовых затруднений российского дворянства и Императорского кабинета (1833 год) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2014. № 12. С. 228-245.
- Гончарова, 2015** – Гончарова Т.Н. Теодор да Лагрене о цензуре в Российской империи (1825 год) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2015. № 15. С. 192-225.
- Дела III Отд., 1906** – Дела III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об А.С. Пушкине. СПб.: Изд. И. Балашова, 1906. 369 с.
- Зенгер, 1934** – Зенгер Т.Г. Запись Пушкина о 18 брюмера // *Литературное наследство*. 1934. Т. 16. С. 882-884.
- Зонова, Шебалин, 2014** – Зонова Т.В., Шебалин Д.Д. Графы Лудольф: свидетели и творцы истории // *Обозреватель-Observer*. 2014. № 5. С. 125-127.
- Кудрявцева, 2018** – Кудрявцева Е.П. Дипломатия и дипломаты эпохи Николая I // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20. № 3–2. С. 275-283.
- ЛЖТ, 1999** – Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. Т. III. (1829–1832). Сост. Н.А. Тархова; Науч. ред. Я.Л. Левкович. М.: Слово, 1999. 624 с.

- [Лядов, 2004](#) – *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М.: Международные отношения, 2004. 280 с.
- [МП, 1996](#) – Московский пушкинист: Ежегод. сб. Вып. III / Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий; ред. В.А. Кожевников. М.: Наследие, 1996. 359 с.
- [Пушкин, 1962](#) – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 томах. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: ГИХЛ, 1962. 486 с.
- [Райнхардт, 2020a](#) – *Райнхардт Р.О.* Дуэли А.С. Пушкина с дипломатами // *Обозреватель-Observer*. 2020. № 10. С. 110-122.
- [Райнхардт, 2020b](#) – *Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской империи (1824–1825) // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 466-476.
- [Рукою Пушкина..., 1935](#) – Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.-Л.: Academia, 1935. 926 с.
- [Скаммакка Дель Мурго, 2013](#) – *Скаммакка дель Мурго Е.* Графы Лудольф. М.: ИП Астапов, 2013. 400 с.
- [Скрынников, 1999](#) – *Скрынников Р.Г.* Дуэль Пушкина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 368 с.
- [Татищев, 1889](#) – *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 459 с.
- [Черейский, 1988](#) – *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 544 с.
- [Якушкин, 1884](#) – *Якушкин В.Я.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская Старина*. 1884. № II-XII.
- [Add. MSS 411511-63](#) – British Library. Manuscript Collections. Correspondence and Papers related to A'Court, William (1779-1860) 1st Baron Heytesbury, Diplomat.
- [AHN](#) – Archivo Histórico Nacional.
- [AMAE](#) – Archives du Ministère des Affaires étrangères.
- [ASN](#) – Archivio di Stato Napoli.
- [DNB, 1891](#) – Dictionary of National Biography. 1885-1900. Vol. 26.
- [Gallavresi, 1905](#) – *Gallavresi G.* Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime. Paris: Société d'histoire diplomatique, 1905. 60 p.
- [Stone, 1971](#) – *Stone L.* Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. Is. 1: 46-79.

References

- [Add. MSS 411511-63](#) – British Library. Manuscript Collections. Correspondence and Papers related to A'Court, William (1779-1860) 1st Baron Heytesbury, Diplomat.
- [AHN](#) – Archivo Histórico Nacional [National Historical Archive]. [in Spanish]
- [AMAE](#) – Archives du Ministère des Affaires étrangères [Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. [In French]
- [ASN](#) – Archivio di Stato Napoli [State Archive of Naples]. [In Italian]
- [AVPRI](#) – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- [Belousov, 2020](#) – *Belousov, M.S.* (2020). Depeshi ispanskogo posla kak istochnik po istorii politicheskoy kul'tury mezhdunarstvija [The Spanish Ambassador's Despatches as a Source on the History of the Political Culture of the Interregnum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 65(2): 357-374. [in Russian]
- [Borunkov, 2019](#) – *Borunkov, A.F.* (2019). Diplomaticheskij protokol v Rossii [Diplomatic protocol in Russia]. М.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 264 p. [in Russian]
- [Cherejskij, 1988](#) – *Cherejskij, L.A.* (1988). Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and his entourage]. Л.: Nauka. Leningr. otd-nie. 544 p. [in Russian]
- [Dela III Otd., 1906](#) – *Dela III Otdelenija sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii ob A.S. Pushkine* (1906) [Cases of the III Branch of His Imperial Majesty's own Chancellery about A.S. Pushkin]. SPb.: Izd. I. Balashova. 369 p. [in Russian]
- [DNB, 1891](#) – Dictionary of National Biography. 1885-1900. Vol. 26.
- [Gastfreund, 1900](#) – *Gastfreund, N.A.* (1900). Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i S.-Peterburgskogo Glavnogo arhivov Ministerstva inostrannyh del, odnosjashiesja k sluzhbe ego 1831-1837 gg. [Pushkin. Documents of the State and St. Petersburg Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs relating to his service in 1831–1837]. SPb.: tip. A. Benke. 82 p. [in Russian]
- [Gallavresi, 1905](#) – *Gallavresi, G.* (1905). Le comte Joseph-Constantin Ludolf: un ambassadeur italien sous l'ancien régime [Count Joseph-Constantin Ludolf: an Italian ambassador under the old regime]. Paris: Société d'histoire diplomatique. 60 p. [in French]
- [Goncharova, 2008](#) – *Goncharova, T.N.* (2008). Francuzskie diplomaty v Rossii (1814-1848): personalii i kar'ery [French diplomats in Russia (1814-1848): personalities and careers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 4-1: 130-136. [in Russian]

Goncharova, 2014 – *Goncharova, T.N.* (2014). Francuzskij poverennyj v delah Teodor de Lagrene o prichinah finansovyh zatrudnenij rossijskogo dvorjanstva i Imperatorskogo kabineta (1833 god) [French Chargé d'Affaires Théodore de Lagrené on the reasons for the financial difficulties of the Russian nobility and the Imperial Cabinet (1833)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 12: 228-245. [in Russian]

Goncharova, 2015 – *Goncharova, T.N.* (2015). Teodor da Lagrene o cenzure v Rossijskoj Imperii (1825 god) [Théodore de Lagrené on the censorship in the Russian Empire (1825)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 15: 192-225. [in Russian]

Jakushkin, 1884 – *Jakushkin, V.Ja.* (1884). Rukopisi Aleksandra Sergeevicha Pushkina, hranjashiesja v Rumjancevskom muzee v Moskve [Manuscripts of Alexander Sergeevich Pushkin, kept in the Rumyantsev Museum in Moscow]. *Russkaja Starina*. № II-XII. [in Russian]

Kudrjavceva, 2018 – *Kudrjavceva, E.P.* (2018). Diplomatiya i diplomaty jepohi Nikolaja I [Diplomacy and diplomats during the Nicolas I epoch]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 20(3-2): 275-283. [in Russian]

Ljadov, 2004 – *Ljadov, P.F.* (2004). Istorija rossijskogo protokola [History of Russian protocol]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 280 p. [in Russian]

LZhT, 1999 – Letopis' zhizni i tvorcestva A.S. Pushkina: V 4 t. [Chronicle of the life and work of A.S. Pushkin: in 4 volume]. T. III. (1829–1832). Sost. N.A. Tarkhova; Nauch. red. Ya.L. Levkovich. M.: Slovo, 1999. 624 p. [in Russian]

MP, 1996 – Moskovskii pushkinist: Ezhegod. sb. Vyp. III [Moscow Pushkinist: annual digest. Is. 3]. Sost. i nauch. red. V.S. Nepomnyashchii; red. V.A. Kozhevnikov. M.: Nasledie, 1996. 359 p. [in Russian]

Pushkin, 1962 – *Pushkin, A.S.* (1962). Poln. sobr. soch. V 10 tomah. T.10. Pis'ma 1831–1837 [Letters. 1831-1837]. M.: GIHL. 486 p. [in Russian]

Raynkhart, 2020a – *Raynkhart, R.O.* (2020). Dujeli A.S. Pushkina s diplomatami [Alexander Pushkin's duels with diplomats]. *Obozrevatel'-Observer*. 10: 110-122. [in Russian]

Raynkhart, 2020b – *Raynkhart, R.O.* (2020). Nachalo diplomatičeskoj missii posla Ispanii J.M. Paeza de la Cadena v Rossijskoj Imperii (1824–1825) [Beginning of the diplomatic mission of the Ambassador of Spain J.M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824–1825)]. *Nauchnyi dialog*. 11: 466-476. [in Russian]

Rukoju Pushkina..., 1935 – Rukoju Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty / podgot. i komment. M. A. Tsiavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger (1935) [By Pushkin's hand: Uncollected and unpublished texts / prep. and comment. by M.A. Tsiavlovskij, L.B. Modzalevskij, T.G. Zenger]. M., L.: Academia. 926 p. [in Russian]

Scammacca del Murgio, 2013 – *Scammacca del Murgio E.* (2013). Grafy Ludolf [Counts Ludolf]. M.: IP Astapov. 400 p. [in Russian]

Skrynnikov, 1999 – *Skrynnikov, R.G.* (1999). Dujel' Pushkina [Pushkin's duel]. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC. 368 p. [in Russian]

Stone, 1971 – *Stone, L.* (1971). Prosopography. *Daedalus*. 100(1): 46-79.

Tatishhev, 1889 – *Tatishhev, S.S.* (1889). Imperator Nikolaj i inostrannye dvory [Emperor Nicolas I and foreign courts]. SPb.: tip. I.N. Skorohodova. 459 p. [in Russian]

VPD, 1914 – Vremennik Pushkinskogo Doma 1913 (1914) [Annals of the Pushkin House]. SPb.: tip. A. Dresslera. 77 p. [in Russian]

Vyskochkov, 2012 – *Vyskochkov, L.V.* (2012). Budni i prazdniki Imperatorskogo dvora [Everyday life and holidays of the Imperial Court]. SPb.: Piter. 496 p. [in Russian]

Zenger, 1934 – *Zenger, T.G.* (1934). Zapis' Pushkina o 18 brjumera [Pushkin's record of the 18th Brumaire]. *Literaturnoe nasledstvo*. 16: 882-884. [in Russian]

Zonova, Shebalin 2014 – *Zonova, T.V., Shebalin, D.D.* (2014). Grafy Ludolf: svideteli i tvorcy istorii [The Counts Ludolf: witnesses and history makers]. *Obozrevatel'-Observer*. 5: 125-127. [in Russian]

Контакты дипломатического корпуса Санкт-Петербурга с А.С. Пушкиным в конце 1829 – начале 1830 годов: протокольный и коммуникационный аспекты

Роман Отмарович Райнхардт ^{a,*}

^a Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ протокольных и коммуникационных особенностей контактов дипломатического корпуса Санкт-Петербурга со знаменитым русским литератором и в ту пору бывшим сотрудником внешнеполитического ведомства А.С. Пушкиным в конце 1829 – начале

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: don.reinhardt@mail.ru (Р.О. Райнхардт)

1830 годов. Используя материалы российского, французского, испанского и неаполитанского внешнеполитических архивов, а также иные документальные источники и специализированную литературу, применяя просопографический метод, автор анализирует влияние взаимодействия высокопоставленных дипломатов с Пушкиным на их профессиональную деятельность. Анализ показывает, что многие дипломаты, особенно послы, были склонны воспринимать последнего не только как видного деятеля культуры, но скорее как ценный источник информации по вопросам внутренней и внешней политики России. Таким образом, вероятно, что зачастую именно они выступали инициаторами подобных контактов, нацеленных на взаимовыгодный обмен мнениями. В то время как главы дипломатических миссий нередко ссылались на своего русского контрагента в депешах, тот не только участвовал в великосветских протокольных мероприятиях по их приглашениям, но и пользовался случаем, чтобы расспрашивать их об интересующих его вопросах. Анализируются детали данного двустороннего информационного обмена на фоне сравнения и сопоставления карьерных траекторий принимавших в нем участие членов дипломатического корпуса. Показано, что большинству из них были присущи схожие политические взгляды и этические установки, прежде всего умеренные симпатии к Российскому государству и лично к императору, которые часто противоречили внешнеполитическому курсу представляемых ими правительств. Такой группообразующий фактор, в свою очередь, во многом определялся накопленным опытом дипломатической работы, супружескими связями, а также иными личными качествами. Автор приходит к выводу о том, что сочетание этих характеристик способствовало формированию уникальной атмосферы внутри значительной части международного дипломатического сообщества, к которому в широком смысле этой категории можно отнести Пушкина, на рубеже 1830-х годов.

Ключевые слова: история российской дипломатии, дипломатический протокол, дипломатический корпус, дипломатические отношения России с европейскими государствами, коммуникация дипломатов.